

Автор: Дмитрий Евстафьев, профессор ВШЭ

У многих на протяжении лета 2016 года было устойчивое впечатление, что Запад и, прежде всего, США «подставляет» Москве в качестве «объекта агрессии» Прибалтику, проводя там демонстративные учения, складировав боевую технику, которая может быть пущена в ход сразу, как только там появится военный контингент, поощряя информационную активность прибалтийских политиков. Действительно, к середине 2016 года антироссийская истерия и имитация военных приготовлений в прибалтийских лимитрофах приобрели уже совсем неприличные формы.

Такое поведение вполне логично: прибалтийские государства, как военный или экономический актив для Запада имеют минимальную ценность, однако для «гамбита», необходимого для инициирования политических изменений в России – а другого сценария США не имеют — они весьма привлекательны.

Эскалация в Прибалтике имеет вполне понятные, если хотите, «естественные» пределы. В дальнейшем ситуация переводится в русло политических манипуляций. В основе своей этот сценарий напоминает практически откровенное «заталкивание» Саддама Хусейна в Кувейт в 1991 году, которое закончилось двумя войнами, созданием системы долгосрочного военного присутствия США в ключевом регионе мира, длительной и весьма глубокой международной изоляцией и, фактически — расчленением страны.

Прибалтика — это очень уютный для Запада, оборудованный инфраструктурой сдерживания «тупичок», куда было бы идеально затолкать Россию и там ее пытаться удушить с использованием преимущественно политических и экономических мер. Тем более что в этом варианте даже самые преданные союзники Москвы будут вынуждены признать «агрессию». Конечно, наличие «вето» в Совете безопасности ООН и ядерного оружия гарантирует России отсутствие жестких силовых действий. Но и только — возможности экономического давления и политической изоляции станут неограниченными.

Но и для США этот сценарий выглядит слишком опасным. Дело не только в том, что российское руководство видит этот ход и просчитывает его последствия, подчеркнуто снисходительно относясь к активности США и НАТО в Прибалтике. Иногда позволяя себе легкий троллинг в виде призывов «сдаваться» из звуковещательных установок во время «симметричных» учений.

Проблема «прибалтийского» сценария в том, что он сработает только при условии, что изоляция произойдет быстро и именно быстро – время играет не столько в пользу России в таком случае, сколько против США. Только гипотетически быстрая изоляция вызовет распад системы поддержки политики Президента В.Путина. Именно это и можно было бы считать политической «победой», довести которую до формально приемлемого результата, коим был бы отказ от выдвижения Путина на новый президентский срок, — «дело техники». Дальше запускался бы апробированный сценарий «разбирания» государства на части, причем, «разбирания» аккуратного и без каких-либо «цветных революций». «Непонятки» с ядерным оружием Вашингтону в России не нужны.

Судя по всему, у США появились серьезные сомнения, что можно будет только политическими и экономическими средствами добиться поставленных политических задач. Прежде всего, с точки зрения формирования «фронды», способной перехватить политическую инициативу и сможет претендовать на контроль властных инструментов за счет бюрократических механизмов.

Причины отказа, причем довольно резкого, от «прибалтийского сценария» могут быть различными. Обратим, например, внимание на некоторые кадровые перестановки, случившиеся в это время. И попытка диверсии в Крыму в начале августа выглядит тоже уже по-другому.

Ясно одно: в промежутке между концом июля и концом августа логика поведения США изменилась. США явственно дали «прибалтийскому варианту» «задний ход». На сохраняющуюся со стороны руководителей стран Прибалтики риторику обращать внимание не стоит: у них понимание новой «генеральной линии» происходит с существенной задержкой. А проводимые сейчас учения «Серебряная стрела» — результат классической натовской «инерции планирования». Они и близко не стоят с летними «военными играми» «Удар меча», ставшими крупнейшей военной провокацией у границ России за многие годы.

Думается, что ключевой урок, который американские политики, чиновники и разведчики, не говоря уже о сонме политологов, вынесли из событий 2010-2016 годов, — это необходимость тотальной контролируемости процессов. Допускать даже малейшую возможность «геополитического самотека» в современных международных условиях — крайне опасно. США уже не обладают ни ресурсами, ни временем для того, чтобы организовывать длительную изоляцию России и ждать реализации потенциала изоляции годами. Тем более, в политически рискованной ситуации, когда у США ситуация «закипает» уже в нескольких важнейших регионах.

Неудача «прибалтийского» сценария, «ненаказание России» даже в среднесрочной перспективе, естественно, будет означать крушение ключевого политического — а не только военно-политического — института современного Запада — НАТО, как не выполнившего свою главную функцию. После которого события могут пойти по совершенно неконтролируемому сценарию.

Маловероятно, что даже это относительно безответственное поколение западных политиков пойдет на такой риск. Ведь, в конечном счете, основой американской глобальной стратегии была и остается т.н. «игра с ненулевой суммой», при которой главное — не разгромить тотально противника, а «не отдать своего» и откусить кусок «чужого». А «свое» на сегодняшний день для США — устойчивость системы союзнических связей. Это — безусловный приоритет. А вот они — даже в случае простого затягивания «сценария» окажутся под большим вопросом.

То есть, реальную конфронтацию с Россией, втягивание России в вооруженный конфликт надо проводить на такой площадке, где союзнические отношения не будут подвергаться болезненным испытаниям. Такая площадка у Вашингтона имеется и это — не Сирия, где Вашингтон вынужден демонстрировать «прямую спину» перед своими союзниками — Саудовской Аравией, Катаром, ОАЭ и Иорданией, но также — и перед Тегераном, который внимательно оценивает «партнеро-пригодность» США, имея широкий выбор вариантов. Не только проигрыш, но и просто «невыигрыш» США в Сирии будет иметь тяжелые последствия.

Эта площадка — Украина, которую уже давно никому из «западников» не жалко и на которой можно разыгрывать силовые комбинации практически без ограничений и безопасно для себя. Но которую и народ которой, жалко (без кавычек, естественно) очень многим в России. Так что мы в конце лета наблюдали, по-видимому, разворот от «прибалтийского» сценария к «украинскому». Причиной чего, надеемся, стало новое состояние российского общественного мнения и элиты, а не только убедительно продемонстрированная готовность Москвы к эскалации конфликта.

Эффект «украинского варианта», конечно, будет слабее, нежели «прибалтийского»: создать эффект полной изоляции не удастся. Но он несет существенно меньшие риски и почти наверняка приведет к значительному укреплению системы союзнических связей.

К тому же, конфигурация возможной внутрироссийской «фронды» может оказаться куда более интересной и энергичной, нежели при «прибалтийском сценарии», потенциальные активные участники «массовки» которого с треском провалились на сентябрьских выборах в Думу. В число противников российской власти при «украинском» сценарии могут войти куда более симпатичные люди, нежели переругавшиеся «вильнюсские маргиналы». Стоит учитывать, что «модельной», почти идеальной для Вашингтона ситуацией смещения недружественного режима является не Тунис и не Египет, а Сербия 2000 года, где операция проводилась в крайне интересных внешних и внутренних условиях, которые стоит освежить в памяти.

Поэтому было бы несколько опрометчивым рассматривать нынешнюю ситуацию на

Украине, как рутинное «осеннее обострение», связанное только с проблемами правящего в Киеве режима. Нельзя исключать, что нынешнее нагнетание напряженности на Востоке Украины имеет более долгосрочное значение и развивается по более сложному и проработанному сценарию. И этот сценарий может содержать гораздо более жесткие и циничные идеи, чем мы себе сегодня можем вообразить.

[source](#)